

ровать с марксистско-ленинским пониманием социально-классовой структуры капитализма, но и путем идейного давления ослабить размах анти-монополистической борьбы различных отрядов армии наемного труда.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 240.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 209.

³ Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1906. С. 68.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 131.

Г. В. ГРУШЕВОЙ

РОЛЬ «СИСТЕМЫ ФИЛОСОФИИ» П. РЕЖИ В ИСТОРИИ КАРТЕЗИАНСТВА

Появление в 1671 году «Трактата по физике» Рого вызвало изменение естественнонаучных концепций во французском картезианстве, повлекло за собой резкую поляризацию сторонников учения Декарта. Ученые восприняли идеи Рого как необходимое развитие картезианской физики, отвечающее духу научного прогресса. Влияние «Трактата» было так велико, что для современников «быть картезианцем означало, в некотором роде, являться учеником Рого»¹. Вместе с тем расширение материалистического воздействия картезианской науки стимулировало усилия метафизически ориентированных учеников Декарта, направленные на мировоззренческую нейтрализацию механистического естествознания.

От лица теологизированной метафизики Декарта в крестовый поход против механико-материалистического миропонимания выступила философия окказионализма. Усиливая спекулятивные аспекты геометризации физики, Мальбранш одновременно подрывал объективную основу картезианского кинетизма. Естествознание «вписывалось» им в теоцентристскую картину мира, превращаясь в «механическую иллюстрацию» могущества первотворца. В эпоху вызревания просветительской идеологии учение окказионалистов становилось прибежищем адептов религиозного спиритуализма.

Ядро оппозиции фидеистской реакции составили картезианцы-материалисты, во главе которых в конце XVII века встал П. Режи (1632 — 1707). Он не только продолжил материалистические традиции физики Декарта, но и создал универсальный свод его философии, подытоживший полувековой период развития научной и философской мысли в условиях «картезианской революции». Его трехтомная «Система философии» (1690) охватила все области тогдашнего знания о природе и человеке.

Хотя три четверти сочинения Режи посвящены вопросам естествознания, тем не менее это уже не физический трактат, и здесь автор отступает от линии своих предшественников. Более того, он вновь возвращает метафизику во главу системы и среди прочих спекулятивных вопросов рассматривает даже «состояние души после смерти». В физическом разделе трактата он не забывает напомнить, что все излагаемое им согласуется с вышеизложенными метафизическими рефлексиями, и что «все природные истины могут быть сведены к принципам, которые мы предложили в рассуждениях о метафизике»². И несмотря на то, что сама по себе структура работы еще не раскрывает существа концепции, налицо явный шаг в сторону спекулятивно-метафизического обоснования картезианского механицизма. Объяснить его можно двумя причинами.

Прежде всего сам Режи, несмотря на обширные естественнонаучные познания, никогда не был, в отличие от Декарта или Рого, ученым-естествоиспытателем. Из-за недостаточной математической подготовки ряд научных концепций был ему недоступен. Вот почему в воззрениях Режи на науку и научную картину мира доминирует умозрительно-теоретический аспект, ограниченный метафизической проблематикой, унаследованной от предшествовавшего этапа философского и научного развития. Это своеобразная, «методологическая» метафизика, далекая от идеалистических спекуляций окказионализма, да и отношения ее с физическими концепциями имеют отпечаток дополнительности. Однако она ощутимо расходится с изменившимися нормами экспериментального естествознания и маскирует общую антиметафизическую направленность картезианской физики.

Другой причиной уступок со стороны Режи спекулятивно-теологической традиции является рост активности в 80-е годы XVII века окказионалистской школы в картезианстве, попытавшейся с помощью идеалистической метафизики подчинить картезианское естествознание, механицизм христианскому теоцентризму. Не будучи в состоянии полностью устранить внеприродные условия естественнонаучного объяснения мира (прежде всего в вопросе об источнике движения) и решительно отвергая трактовку этих условий как с помощью традиционного перипатетизма, так и картезианского окказионализма, Режи считает необходимым обосновать механицизм, по примеру Декарта, метафизической концепцией. К этому побуждало его и стремление противопоставить системе Мальбранша столь же всеохватывающее учение.

Задумав представить именно систему человеческих знаний, Режи вынужденно сталкивается с господствующей в общественном сознании мировоззренческой схемой, построенной на фундаментальных теологических идеях. Его метафизика сохраняет приметы общепринятого способа толкования подобного рода предмета, включая пиетет к божественной первооснове, демонстрацию верноподданических чувств церкви, богословский лексикон и т. п. Однако сквозь внешнюю показную благообразность простирает весьма неортодоксальная ориентация мыслей Режи. То, что он рассматривает «познание души как главную и высшую часть метафизики», не вызывало беспокойства ревнителей веры. Но если, согласно Режи, «опыт отчетливо показывает, что все функции души... абсолютно зависят от движений тела, с которыми она соединена» (63—64), то это придает его метафизике четко выраженный материалистический оттенок.

Философ рассматривает весь спектр спекулятивных проблем этой дисциплины с картезианских позиций, рассуждая и о субстанции, и о чистой мысли, и о совершенном бытии, и о первопричине, и о множестве других подобных проблем. Но при этом он вновь и вновь возвращается к ключевой гносеологической посылке своей метафизики, объявляя, что «дух, чтобы мыслить, зависит от тела», и это есть «физическая зависимость» (113, 129). Хотя всевышний—основа всего происходящего в нашем мире, тем не менее для Режи «бог не является непосредственной причиной этой зависимости... она непосредственное следствие вторичных причин». Каких? «Органические части тела суть общие вторичные причины связи души и тела, а специфические условия, которые встречаются в теле каждого человека... суть частные вторичные причины»; и неизбежный вывод: «душа мыслит посредством тела» (130—131). А если принять во внимание еще и то, что «бог в природных вещах не действует непосредственно сам» (214), главная часть метафизики философа вполне может стать разделом его физиологии. Не только может, но и становится, когда Режи рассуждает, что «представлять означает нечто иное, как иметь идею некоторого тела, вызванную одним лишь движением животных духов, которые колеблют внутренние окончания нервных волокон» (163). Правда, он спохватывается, оговариваясь, что рассматривает здесь лишь то, что принадлежит мышлению со стороны души, а то, что относится к телу, будет разбираться в физике. Но ведь душа у Режи может действовать только посредством тела, так что правы были те проницательные читатели, которые усмотрели за заслоном ортодоксально-религиозной фразеологии философа материалистические импликации метафизических воззрений на человека и его мышление.

Отмечая этот существенный аспект «Системы философии», не следует вместе с тем делать натяжку и превращать ее метафизический раздел в апологию материализма. Апологетика там в основном традиционная, но те принципы, которые определяют мышление Режи в естественнонаучной области, закладывают зерна живого содержания в традиционную вязь схоластических формулировок. Однако в целом метафизика Режи явилась скорее негативным опытом в материалистической традиции картезианства, скрыв принципиально новое философско-мировоззренческое основание механистического естествознания.

Физика занимает большую часть произведения Режи и уже это позволяет отнести «Систему философии» к материалистической традиции картезианства. Механистическое миропонимание, базирующееся на принципах картезианского материализма, достаточно последовательно проводится мыслителем в его воззрениях на природу. Физика, согласно Режи, изучает природные тела и их свойства. Исследованием естественных процессов и явлений занимается практическая физика, а их причины выясняет спе-

кулятивная. «Чтобы сделать физику более совершенной, — считает философ, — необходимо соединить спекулятивную часть с практической». И хотя спекулятивность накладывает на естествознание гипотетический характер, это не мешает физике «занимать одно из первых мест среди человеческих познаний» (275). Достоверность научным гипотезам придает их строгое соответствие основополагающим «принципам природы» и «первым истинам» естественнонаучного миропонимания. К принципам Режи относят материю и движение, а первые истины указывают на пространственную сущность физического мира и локальный характер движения, подчиняющегося определенным естественным законам и обуславливающего развитие и строение природы (277). Таким образом, устанавливая философские основания науки, Режи ориентируется на требования картезианского материализма и вслед за Декартом строит кинетическую модель физической реальности.

Поскольку в картезианской механике отсутствует понятие пустоты, ключевое значение приобретает проблема соударения тел. Со времени Декарта наука существенно продвинулась в изучении законов движения сталкивающихся тел, прежде всего благодаря работам Дж. Уоллиса и Х. Гюйгенса. Их исследования были обобщены в 1678 году в «Трактате об ударе или соударении тел» Мариотта, идеи которого попытался освоить Режи. Однако преимущественно качественный характер физических представлений и отсутствие навыка самостоятельного экспериментирования не позволили философу не только развить дальше новые научные концепции, но и вполне корректно изложить их, особенно в части математического описания. Вероятно, он был совсем незнаком с работами Ньютона («Математические начала натуральной философии» появились в 1687 году). Это одно из свидетельств внутреннего кризиса, переживаемого картезианской натурфилософией конца XVII века, перед которой прогресс естествознания все категоричнее выдвигал требование полного слияния с экспериментальной наукой или вырождения в спекулятивную доктрину, компилирующую чужие открытия.

Механистическое миропонимание, обосновываемое картезианским материализмом, глубоко проникло в мышление естествоиспытателей и его дальнейшее развитие было связано с устранением метода умозрительного проецирования исходных принципов на растущее множество экспериментальных данных. Картезианская «система» превращалась в этих условиях в тормоз научного прогресса, и творчески продуктивное начало физики Декарта все более освобождалось от метафизических спекуляций. Это исторически необходимый процесс, поскольку «у всех философов переходящей оказывается как раз «система» (Ф. Энгельс). Вот почему Режи, сохранивший материалистическую основу картезианской физики, но стесненный рамками философской системы Декарта, ощутимо отстает от уровня развития современной ему науки. Образцом и главным источником физических объяснений для него выступает Ж. Рого, чьи идеи дополняются некоторыми новейшими открытиями в гидростатике, пневматике, эмбриологии и др. Показательно, что Режи сравнительно с «Трактатом по физике» Рого в своей «Системе» вновь возвращается к космогонической теории Декарта, объясняющей естественное образование вселенной из первичного хаотического состояния. Однако в отличие от Де Руа философ усиливает гипотетический, или, как он сам говорит, «проблематический», характер этой концепции.

Картезианская идея вихревого строения мира получила к концу XVII века широкое распространение среди французских физиков, которые на ее основе значительно модифицировали и усовершенствовали многие научные теории. Так, в частности, Ж. Сорен, развивая картезианскую теорию тяжести, выдвинул новую концепцию эфирной материи. Как считает Э. Айттон, «признание гипотезы Сорена, в которой эфир рассматривается как среда, почти не имеющая сопротивления и в то же время развивающая силу, могло привести к раннему примирению Декартовой и Ньютоновой систем»³.

Особое место в картезианской физике отводилось вопросам биологии и физиологии. К концу XVII века ятромеханическая школа в науках о живой природе заняла ведущее место в Западной Европе. В течение 1680/81 годов вышла из печати двухтомная работа Д. Борелли «О движении животных», где на основе законов механики давалось объяснение всем функциям организма животного. Эмбриология усилиями Мальпиги, Хартзекера, Левенгука превратилась в экспериментальную науку. Были

сделаны новые открытия в анатомии, неврологии, физиологии. «Система философии» Режи в значительной мере отразила прогресс в этой области естествознания.

Продолжая линию картезианского биомеханизма, философ последовательно рассматривает внутреннее устройство и принцип работы растительных и животных организмов, отвергая любые представления о скрытых «витальных» силах. Касаясь весьма актуального в тогдашней биологии вопроса о зародыше, Режи присоединяется к концепции Мальпиги, отказываясь от декартовой теории зарождения жизни. Он считает, что в женском зародыше уже содержится животное, которое развивается благодаря проникновению тонкой материи в результате оплодотворения⁴. Механический процесс увеличения органов и частей тела, количественный рост приводит к образованию нормального животного организма. Выводя функции тела из строения его органов, Режи трактует животное как сложную машину, лишенную какой-либо души. Столь же механистично он понимает и жизнедеятельность человеческого организма. Причем идет дальше Рого, выясняя физиологические основания и физические причины духовных способностей человека, устанавливая зависимость идей от течения животных духов, рассуждая о связи душевных страстей с потребностями тела⁵. Говоря о природной физиологической обусловленности душевного мира человека, натуралистически объясняя побуждения и эмоции, ставя в зависимость от объективных условий интеллектуальную деятельность и, наконец, фактически отрицая бессмертие души, Режи вплотную подходит к воззрениям голландского материалиста Де Руа. Пока еще только в физиологии и со многими метафизическими оговорками картезианец предвосхищает будущую концепцию «Человека-машины» Ламетри. В этой части «Системы» в мышлении Режи наиболее полно и ярко отразились традиции картезианского материализма.

Вместе с тем этот свод картезианской философии стал вехой, обозначившей переломный момент в истории картезианства. Механическая физика, заложенная Декартом, к концу века усваивается и перерабатывается развивающимся естествознанием. Попытка вернуть ее к первоначальному альянсу со спиритуалистской метафизикой, даже при условии существенной перестройки последней, была расценена передовой наукой в контексте происходившей догматизации картезианской ортодоксии. Поэтому «Система» Режи, при всей ее обращенности к естественным наукам, открытой оппозиционности религиозному окказионализму, в начале XVIII века выглядела довольно эклектичным сооружением, не свободным от спекулятивной архаики. Ранним просветителям в ней отчетливо виделась чужеродность научно-механистического и теолого-метафизического способов миропонимания. Окончательно отбросить метафизические предрассудки своих предшественников сумел лишь картезианский материалист Фонтенель, много сделавший для «подготовки того идейного революционного потока, которому суждено было стать введением к французской революции конца XVIII века»⁶.

¹ Мопу Р. Le développement de la physique cartésienne. Paris, 1934. P. 142.

² Regis P. Système de Philosophie. Paris, 1690. T. 1. P. 291. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи.

³ У истоков классической науки. М., 1968. С. 54.

⁴ См.: Regis P. Op. cit. T. 2. P. 642.

⁵ Ibid. P. 293.

⁶ Момджян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века. М., 1983. С. 44.

А. А. МИХАЙЛОВ

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

(К 200-летию со дня выхода в свет
«Критики практического разума»)

Появление в 1788 году работы Канта «Критика практического разума» представляет собой событие историко-философской традиции, подлинное значение которого для дальнейшего развития философского мышления в полной мере еще предстоит оценить.

Анализ логики кантовской мысли свидетельствует о том, что в этом